

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

КНИГИ
РОБЕРТА ХАРРИСА

ОФИЦЕР И ШПИОН
КОНКЛАВ
МЮНХЕН

РОБЕРТ
ХАРРИС
МЮНХЕН

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
X 21

Robert Harris
MUNICH
Copyright © 2017 by Canal K Limited
All rights reserved

Перевод с английского Александра Яковлева
Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Владимира Гусакова
План выполнен Юлией Каташинской

ISBN 978-5-389-14218-3

© А. Л. Яковлев, перевод, 2019
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2019
Издательство АЗБУКА®

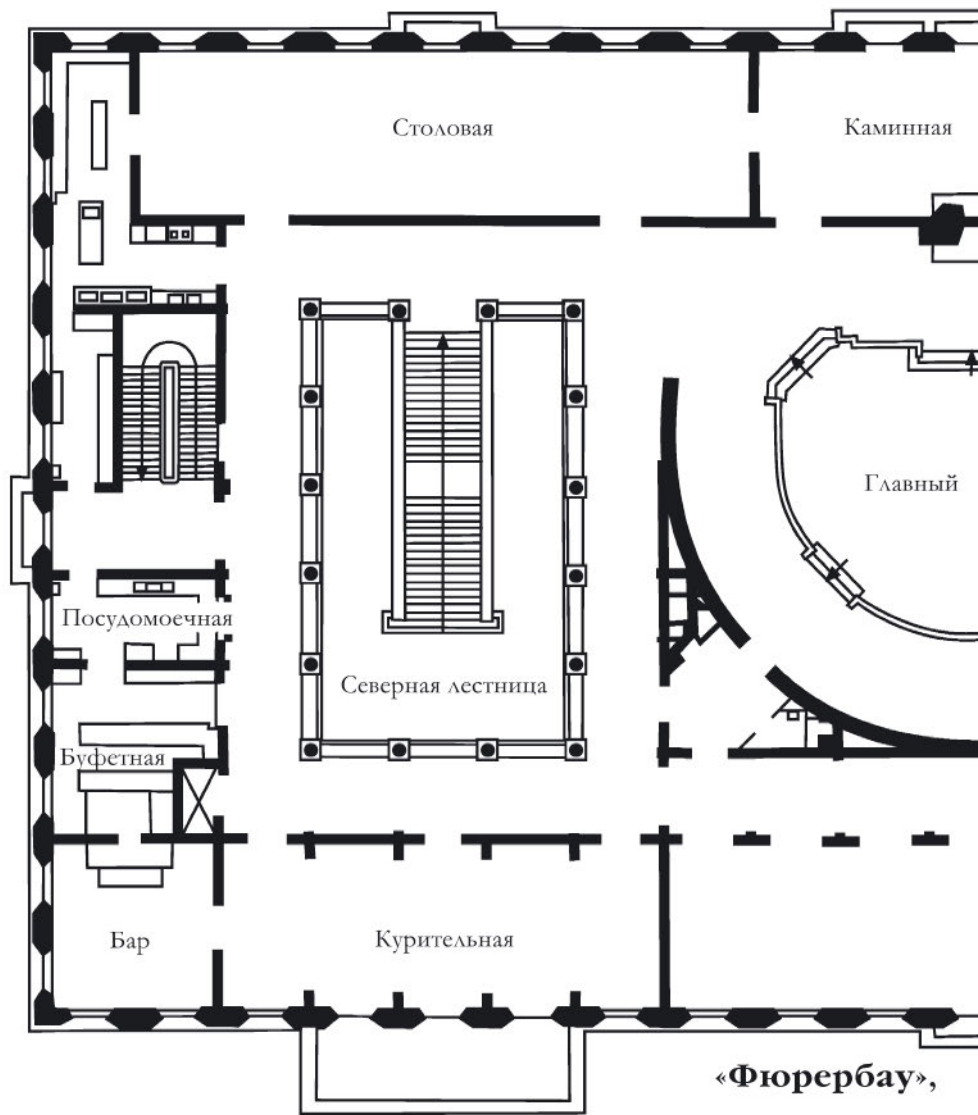
Посвящается Матильде

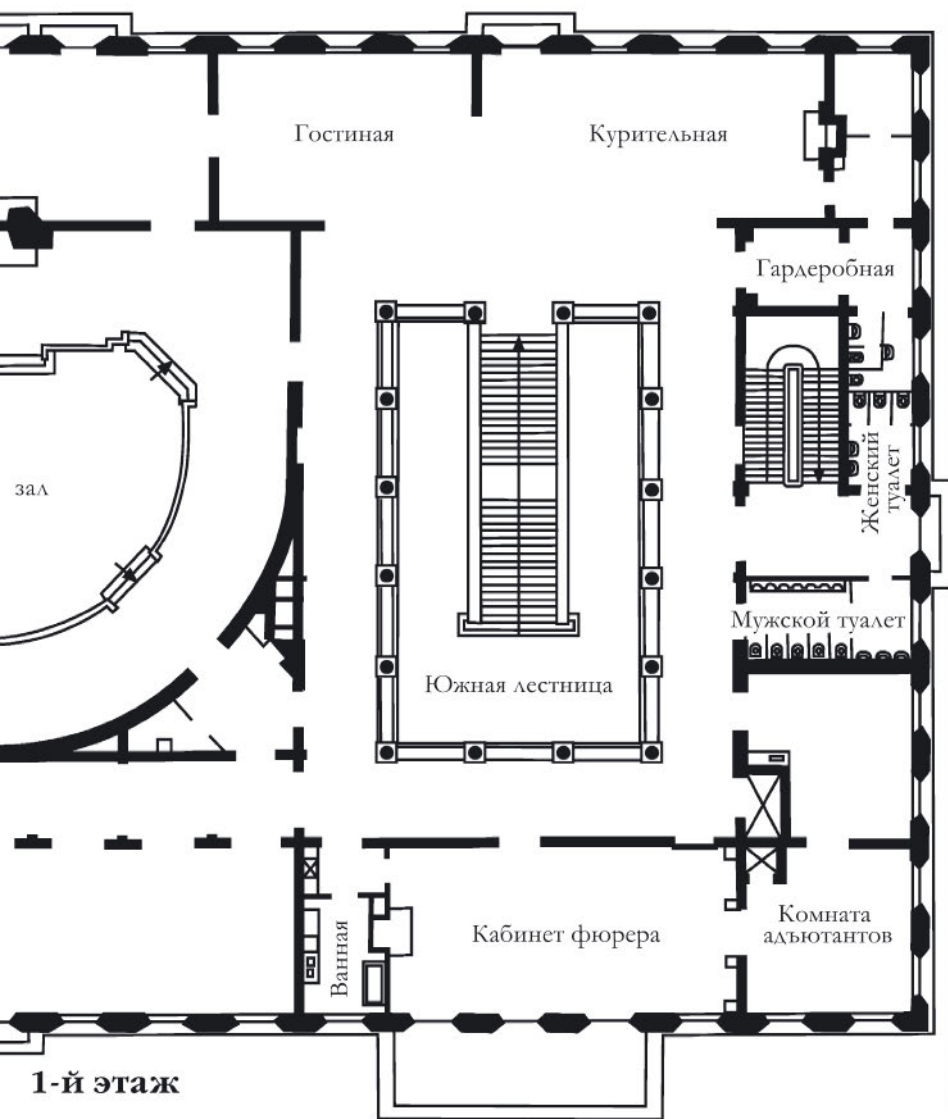
Нам нельзя забывать: то, что ныне является прошлым, некогда лежало в будущем.

Ф. У. Мейтленд, историк

Нам следовало начать войну в 1938 году... Сентябрь 1938-го был самым благоприятным временем.

Адольф Гитлер, февраль 1945

ДЕНЬ
ПЕРВЫЙ

1

Во вторник, 27 сентября 1938 года, без нескольких минут в час пополудни, мистера Хью Легата из дипломатического корпуса его величества проводили за столик рядом с высоким, от пола до потолка, окном ресторана «Риц» в Лондоне. Он заказал полбутылки шампанского «Дом Периньон» урожая 1921 года, бывшего ему не средствам, развернул номер «Таймс» на странице семнадцать и в третий раз принялся перечитывать речь, произнесенную накануне Адольфом Гитлером в берлинском Дворце спорта «Шпортпаласт».

ВЫСТУПЛЕНИЕ ГЕРРА ГИТЛЕРА

ПОСЛЕДНЕЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ПРАГЕ

МИР ИЛИ ВОЙНА?

Время от времени Легат поглядывал через обеденный зал на входную дверь. Быть может, ему просто казалось, но гости и даже официанты перемещались по коврам, устилающим пол между стульями с матово-розовой обивкой, с какой-то нехарактерной подавленностью. Никто не смеялся. Неслышимые за толстым листовым стеклом, сорок или пятьдесят рабочих — некоторые

по причине духоты разделись по пояс — копали в Грин-парке узкие траншеи.

Во всем мире теперь не должно остаться сомневающихся, что это говорит не один человек, не один вождь, но весь немецкий народ. Я знаю, что в этот самый час весь народ, миллионы людей, соглашаются с каждым моим словом. (Крик «Хайль!».)

Легат слышал эту речь по трансляции Би-би-си. Стальная, суровая, полная жалости к себе и угрозы, хвастливая и впечатляющая на свой жутковатый лад, она сопровождалась ударами ладони Гитлера по трибуне и одобрительным ревом пятнадцати тысяч глоток. Звук был нечеловеческим, неземным. Казалось, он исходит от некой черной подземной реки и изливается через громкоговоритель.

Я благодарен мистеру Чемберлену за все его усилия и заверяю его, что немецкий народ не желает ничего, кроме мира. И заверяю также, и подчеркиваю это сейчас, что, когда данная проблема будет решена, у Германии не останется в Европе никаких территориальных проблем.

Легат взял авторучку и подчеркнул это предложение. Потом проделал то же самое с другим, расположенным несколько выше и касающимся Англо-германского морского соглашения.

Подобное соглашение морально оправданно лишь в том случае, если обе нации торжественно обещают никогда снова не вступать в войну друг с другом. У Германии такое стремление есть. Будем надеяться, что сторонники этой точки зрения возьмут верх и среди английского народа.

Молодой человек отложил газету и сверился с карманными часами. Он имел необычную привычку носить время не на руке, а на цепочке. В свои двадцать восемь

выглядел он старше: бледное лицо, сдержанные манеры, черный костюм. Легат заказал столик две недели назад, до того, как разразился кризис. И теперь чувствовал себя виноватым. Он даст ей еще пять минут, потом ему придется уйти.

Прошло четверть часа, когда наконец он заметил ее отражение в позолоченных зеркалах на уставленной цветами стене. Она застыла у порога ресторана, в буквальном смысле приподнявшись на цыпочки, и безучастно оглядывалась вокруг, вытянув белую шею и вскинув подбородок. Некоторое время Легат разглядывал ее, как если бы то была незнакомка, и размышлял, как, черт побери, могли бы складываться их отношения, не будь она его женой. «Великолепная фигура», — говорят о таких. «Не красавица, если начистоту». — «Нет, но симпатичная». — «Памела из тех, кого называют породистыми». — «Да, чрезвычайно породистая. И бедняга Хью совершенно ей не пара...»

Этот обмен репликами он подслушал на вечеринке в честь их помолвки. Легат вскинул руку. Встал. Наконец она его заметила, улыбнулась, помахала и двинулась к нему, изящно лавируя между столиками в своей облегающей юбке и приталенном шелковом жакете. Головы сидящих одна за другой поворачивались ей вслед.

Она крепко поцеловала его в губы. Дыхание ее слегка сбилось.

Прости, прости, прости...

— Пустяки. Я только что пришел.

За минувшие полтора с лишним года он научился не спрашивать, где она была. Наряду с сумочкой, при ней имелась картонная коробочка. Памела поставила ее на стол перед мужем и стянула перчатки.

— Мне кажется, мы договорились, что подарков не будет?

Он поднял крышку. На него смотрели черный резиновый череп, металлизированный хобот и пустые стеклянные глазницы противогаза. Хью отпрянул.

— Водила детей на примерку. Само собой, я заказала сначала для них — разве это не доказательство материнской заботливости? — Она закурила сигарету. — Нельзя ли чего-нибудь выпить? У меня в горле пересохло.

Он махнул официанту.

— Всего полбутылки?

— Мне работать вечером.

— Ну разумеется! Я вообще не была уверена, что ты придешь.

— Если честно, я и не пришел бы. Пытался дозвониться, но тебя не было дома.

— Ну, теперь ты знаешь, где я была. Вполне невинное объяснение. — Памела улыбнулась и наклонилась к мужу. Они чокнулись. — С годовщиной, дорогой.

Рабочие во дворе махали кирками.

Заказ она сделала быстро, даже не заглянув в меню: никаких закусок, дуврский палтус без кости, салат из зелени. Легат отложил свое меню и сказал, чтобы ему подали то же самое. Есть не хотелось: никак не удавалось отогнать образы детей в противогазах. Джону исполнилось три годика, Диане — два. Бесконечные наказания: не бегай слишком быстро, закутайся потеплее, не бери в рот игрушки или мелки. Никогда не знаешь, куда они залезут. Он сунул коробку под стол и задвинул ногой подальше.

— Они сильно напугались примерки?

— Да нет, конечно. Им кажется, все это игра.

— Знаешь, мне иногда тоже так кажется. Даже когда читаешь телеграммы, трудно принять это за что-то иное, кроме как за дурацкий розыгрыш. Неделю назад соз-

давалось впечатление, что все урегулировано. А потом Гитлер взял и передумал.

— И что теперь будет?

— Кто знает? Быть может, ничего. — Хью чувствовал себя обязанным изображать оптимизм. — В Берлине все еще идут переговоры. По крайней мере, шли, когда я уходил из конторы.

— А если не договорятся — когда все начнется?

Легат указал на заголовок в «Таймс» и пожал плечами:

— Завтра, полагаю.

— Правда? Так скоро?

— Он заявил, что пересечет чехословацкую границу в субботу. Наши военные эксперты считают, что ему потребуется три дня для вывода на позиции танков и артиллерии. Отсюда следует, что мобилизацию Гитлер должен объявить завтра. — Молодой человек бросил газету на стол и отпил шампанского, которое показалось ему кислым. — Вот что я тебе скажу: давай сменим тему.

Он извлек из кармана пиджака коробочку для кольца.

— Ах, Хью!

— Оно будет великовато, — предупредил Легат.

— Ой, как красиво! — Памела надела кольцо на палец, подняла ладонь и стала вертеть ею перед подсвечником, чтобы синий камень заиграл на свету. — Ты просто чудо! А мне казалось, у нас нет денег...

— И правда нет. Это моей матери.

Он опасался, что подарок сочтут дешевой, но, к его удивлению, жена протянула руку через стол и положила ему на ладонь.

— Ты такой милый.

Ее кожа была прохладной. Тонкий палец скользнул по его запястью.

— Вот бы нам снять номер и провести в постели весь вечер, — выпалил вдруг Хью. — Забыть про Гитлера. Забыть про детей.

— Так почему бы тебе это не устроить? Мы ведь тут — и что нас останавливает?

Она не отводила взгляда больших серо-голубых глаз, и он с внезапным озарением, от которого перехватило в горле, понял: жена говорит так только потому, что знает — этого никогда не будет.

За его спиной кто-то деликатно кашлянул:

— Мистер Легат?

Памела убрала руку. Хью обернулся и обнаружил метрдотеля. Тот, полный сознания собственной значимости, почти молитвенно сложил руки.

— Да?

— Даунинг-стрит десять на линии, сэр.

Метрдотель намеренно произнес фразу достаточно громко, чтобы ее услышали за соседними столиками.

— Черт! — Легат встал и бросил салфетку. — Ты меня извинишь? Я должен ответить.

— Я понимаю. Ступай и спаси мир. — Она помахала ему на прощание и стала собирать вещи в сумочку. — Пообедаем как-нибудь в другой раз.

— Дай мне буквально минуту. — В его голосе читалась мольба. — Нам действительно нужно поговорить.

— Иди.

Хью помедлил секунду, понимая, что все вокруг на него смотрят.

— Дождись меня, — сказал он и, приняв, как ему казалось, совершенно невозмутимый вид, проследовал за метрдотелем из зала ресторана в коридор.

— Полагаю, вы предпочтете уединиться, сэр. — Служитель отворил дверь в маленький кабинет.

На столе стоял телефон, рядом с ним лежала трубка.

— Спасибо. — Молодой человек поднял трубку, выждал, пока дверь закроется, и только потом произнес: — Легат.

— Простите, Хью. — Он узнал голос Сесиля Сайерса, своего коллеги по личному секретариату. — Боюсь, вам нужно вернуться сию же минуту. Становится жарковато. Клеверли вас искал.

— Что-то случилось?

На другом конце провода произошла заминка. Личных секретарей постоянно уверяли в том, что телефонисты слушают разговоры.

— Похоже, переговоры кончились. Наш человек возвращается домой.

— Ясно. Уже иду.

Легат положил трубку на рычаг и с минуту стоял как парализованный. Неужели вот так творится История? Германия нападет на Чехословакию. Франция объявит войну Германии. Британия поддержит Францию. Его дети будут носить противогазы. Обедающие из «Рица» оставят крытые белыми скатертями столики, чтобы прятаться в траншеях в Грин-парке. Воображать все это было невыносимо.

Хью открыл дверь, торопливо пересек коридор и вошел в ресторан. Однако персонал «Рица» был вышколен настолько, что их столик уже оказался убранным.

Такси на Пикадилли было не поймать. Хью прыгал вперед-назад через ливневую канализацию, махая свернутой в трубочку газетой, в тщетной надежде остановить хоть какую-нибудь из проезжающих машин. Наконец он отчаялся, свернул за угол на Сент-Джеймс-стрит и зашагал вверх по улице. Время от времени он бросал взгляды на противоположную ее сторону в расчете увидеть жену. Куда она умчалась в такой спешке? Если прямо домой, в Вестминстер, то она проедет именно здесь. Нет, лучше не думать об этом, лучше не думать. Было не по сезону жарко, и Легат уже вспотел. Рубашка, упрятанная под старомодную тройку, липла к спине. Пасмурное

небо грозило дождем, но тот все никак не мог пролиться. Вдоль всей Пэлл-Мэлл из высоких окон знаменитых лондонских клубов — Королевского автомобильного, «Реформ» и «Атенеум» — уже лился в душный полумрак свет люстр.

Только у лестницы, ведущей вниз от Карлтон-Хаус-Террас к Сент-Джеймскому парку, Хью замедлил шаг. Путь ему преградила толпа из двух десятков людей, молча наблюдающих, как из-за здания парламента медленно поднимается небольшой аэростат. Летательный аппарат проплыл мимо Биг-Бена. Зрелище было странное и красивое — величественное, сверхъестественное. Вдалеке Хью разглядел еще штук пять таких же аппаратов, взмывающих в небо с южной стороны от Темзы: маленькие серебристые торпеды, иные из которых набрали уже тысячи футов высоты.

— Похоже, можно уже сказать, что шарики слетели, — раздался голос совсем рядом.

Легат повернулся. Вспомнилось, как отец, приехав на побывку с фронта Великой войны, употребил это самое выражение. Он-де вынужден вернуться во Францию, потому что «шарик слетел». Для ушей шестилетнего Хью это прозвучало так, как будто папа собирается на вечеринку.

Это был последний раз, когда он видел отца.

Хью протолкался среди зевак и помчался вниз по трем пролетам широких ступеней, через Мэлл на Хорс-Гардс-роуд. За полчаса, истекшие с момента его ухода, там кое-что изменилось. Посреди широкого рыжего пространства плаца появилась пара зенитных орудий. Солдаты разгружали с платформы грузовика мешки с песком. Работали они быстро, словно опасаясь в любой момент налета люфтваффе, и передавали мешки по цепочке. Защитная стена росла вокруг батареи прожекторов. Один из зенитчиков яростно крутил колесико, ствол орудия

поворачивался и задирался, пока не принял почти вертикальное положение.

Легат вытащил большой белый носовой платок и утер лицо. Не хотелось бы входить раскрасневшимся и в испарине. Если и был грех, который почитался в личном секретариате совершенно непростительным, так это появление впопыхах.

Он поднялся по ступенькам на узкую, затененную, покрытую копотью Даунинг-стрит. Кучка репортеров на мостовой напротив дома номер десять провожала его глазами. Фотограф поднял камеру, но, заметив, что птица не из важных, снова опустил. Легат кивнул полисмену, и тот один раз с силой ударил молоточком. Дверь открылась как будто сама по себе. Хью вошел.

Четыре месяца прошло с того дня, как его откомандировали из Форин-офис¹ в номер десять, но всякий раз он испытывал одно и то же ощущение — как если бы попал в некий вышедший из моды клуб для джентльменов. Устланный черной и белой плиткой коридор, красно-оранжевые стены, бронзовый светильник, мерно тикающие прадедовские часы, чугунная подставка с единственным зонтом.

Где-то в недрах здания звонил телефон. Швейцар поздоровался с Легатом и вернулся к своему кожаному стулу и выпуску «Ивнинг стандарт».

В широком проходе, ведущем к задним комнатам, Легат помедлил и посмотрел на себя в зеркало. Поправил галстук и пригладил обеими руками волосы, выровнял осанку, повернулся. Перед ним располагался зал заседаний Кабинета министров, его обшитая панелями дверь была закрыта. Слева находился кабинет сэра Хораса Уилсона, тоже запертый. Направо уходил коридор,

¹ *Форин-офис* — Министерство иностранных дел Великобритании.

ведущий в помещение для личных секретарей премьер-министра. В старинном георгианском доме царила атмосфера невозмутимого спокойствия.

Мисс Уотсон, делившая с Хью самый маленький кабинет, склонялась над столом совершенно так же, как в ту минуту, когда он выходил. Из-за бруствера папок виднелась только ее седая макушка. Карьеру она начинала секретарем-машинисткой в бытность премьер-министром Ллойд-Джорджа. Поговаривали, что у него имелась привычка гоняться за девушками с Даунинг-стрит вокруг стола заседаний правительства. Хью с трудом удавалось представить, чтобы кто-то мог гоняться за мисс Уотсон. В ее обязанности входило готовить ответы на запросы из парламента. Она выглянула из-за своей бумажной баррикады и посмотрела на Легата.

— Клеверли вас искал.

— Он у ПМ?

— Нет, у себя. Премьер в зале заседаний вместе с Большой тройкой.

Легат издал звук, бывший чем-то средним между вздохом и стоном. На полпути по коридору он просунул голову в кабинет Сайерса.

— Итак, Сесил, насколько крепко я влип?

Сайерс крутанулся в кресле. Это был коротышка семью годами старше Легата, склонный к постоянной, безудержной и зачастую раздражающей веселости. Он носил галстук одного с Хью колледжа.

— Боюсь, для романтического обеда вы выбрали несколько неподходящий день, старина. — Голос его излучал сочувствие. — Надеюсь, она не сильно обиделась.

Однажды в приступе слабости Легат обмолвился Сайерсу о домашних проблемах. И не переставал об этом жалеть.

— Ничуть. Стоим на ровном киле. Как дела в Берлине?

— Их можно свести к одной из тирад герра Гитлера. — Сайерс изобразил удар кулаком по подлокотнику кресла. — Ich werde die Tschechen zerschlagen!

— О боже! «Я сокрушу чехов!»

По коридору прокатился командирский голос:

— А, Легат, вот вы где!

— Удачи, — одними губами произнес Сайерс.

Легат шагнул назад, развернулся и почти уткнулся в длинную усатую физиономию Осмунда Сомерса Клеверли, по совершенно непонятной причине известного всем как Оскар. Главный личный секретарь премьер-министра поманил его пальцем. Легат последовал за начальником в кабинет.

— Вынужден сказать, что разочарован в вас, Легат, и более чем немного удивлен. — Клеверли был старше большинства из сослуживцев и до войны являлся кадровым офицером. — Обед в «Рице» в разгар международного кризиса? Возможно, в Форин-офис так принято, но не у нас.

— Виноват, сэр. Больше такого не повторится.

— У вас имеется объяснение?

— Сегодня годовщина моей свадьбы. Я не смог позволить до жены и поэтому не отменил заказ на столик.

Несколько секунд Клеверли пристально смотрел на него. Он не скрывал своего подозрительного отношения к этим блестящим молодым людям из казначейства или Министерства иностранных дел, никогда не носившим мундира.

— Бывают времена, когда семья должна отойти для мужчины на второй план. Сейчас как раз такое время. — Главный личный секретарь сел за стол и включил лампу.

Эта часть здания выходила окнами на север, на сад Даунинг-стрит. Разросшиеся без стрижки деревья закрывали дом от плац-парада конной гвардии и обрекали первый этаж на жизнь в постоянном полумраке.

— Сайерс ввел вас в курс дела?

— Да, сэр, — ответил молодой человек. — Насколько я понял, переговоры прерваны.

— Гитлер заявил о намерении начать мобилизацию завтра в два пополудни. Боюсь, это предвещает большую заваруху. Сэр Хорас должен вернуться и попасть к премьеру на доклад к пяти. В восемь премьер обратится к нации по радио. Вы должны наладить взаимодействие с Би-би-си. Они собираются установить свой аппарат в зале заседаний.

— Да, сэр.

— На сегодня же намечено общее собрание Кабинета, вероятно сразу после трансляции, а поэтому инженерам Би-би-си придется свернуться незамедлительно. Затем премьер намерен встретиться с верховными комиссарами доминионов. Главы штабов должны прибыть с минуты на минуту — проводите их к премьеру, как только приедут. Ведите записи о встрече, чтобы премьер мог коротко сообщить про нее Кабинету.

— Да, сэр.

— Парламент снова созывается, как вам известно. Шеф собирается выступить перед палатой общин о кризисе завтра ближе к вечеру. Разложите все относящиеся к делу записки и телеграммы за последние две недели в хронологическом порядке.

— Да, сэр.

— Боюсь, не исключено, что вам придется остаться на ночь. — Под усами Клеверли промелькнул призрак усмешки. Он напомнил Легату мускулистого христианина, инструктора по физкультуре из младших классов частной школы. — Сожалею насчет вашей годовщины, но тут уж ничего не поделаешь. Уверен, ваша жена поймет. Спать можете в комнате дежурного клерка на третьем этаже.

— Это все?

— Все. Пока.

Клеверли нацепил очки и погрузился в изучение какого-то документа.

Вернувшись в свой кабинет, Легат тяжело опустился за стол. Открыл ящик, взял флакон с чернилами и погрузил в него перо. Он не привык к выволочкам. Чертов Клеверли! Рука его слегка дрогнула, и перо звякнуло о стеклянный край флакона. Мисс Уотсон вздохнула, но головы не подняла.

Хью потянулся к проволочному лотку слева от стола и взял папку с телеграммами, недавно поступившими из Форин-офис. Но не успел он развязать розовую тесемку, как в дверях появился сержант Рен, служивший на Даунинг-стрит посыльным. Как всегда, Рен запыхался — на войне он лишился ноги.

— Начальник Имперского генерального штаба прибыл, сэр.

Легат пошел по коридору вслед за хромающим сержантом. Вдалеке под бронзовым светильником стоял виконт Горт, широко расставив ноги, обутые в начищенные до блеска коричневые сапоги, и читал телеграмму. Важная особа — аристократ, герой войны, кавалер Креста Виктории, он словно не замечал клерков, секретарей и машинисток, которые обнаружили ни с того ни с сего настоятельную потребность выйти в коридор и поглазеть на гостя. Главная дверь распахнулась в каскаде вспышек фотокамер, и вошел маршал авиации Ньюолл. Секундой спустя на пороге обрисовалась внушительная фигура первого морского лорда адмирала Бэкхауза.

— Не соблаговолите ли пройти со мной, джентльмены? — сказал Легат.

Пока они шли, до него донеслась реплика Горта:

— Дафф будет?

— Нет, — ответил Бэкхауз. — ПМ думает, что он может слить Уинстону.

— Будьте любезны подождать здесь, — попросил Хью.

Под защитой двойных дверей, зал заседаний был звуконепроницаем. Легат открыл внешнюю и осторожно постучался во внутреннюю.

Премьер-министр сидел спиной к входу. Лицом к нему, на другом конце длинного стола, располагались министр иностранных дел Галифакс, канцлер казначейства Саймон и министр внутренних дел Хор. Все трое подняли глаза на входящего. В комнате царила полная тишина, если не считать тиканья часов.

— Простите, премьер-министр. Главы штабов здесь, — доложил Легат.

Чемберлен не обернулся. Он широко расставил руки, опираясь на стол, как будто собирался сдвинуть кресло, чтобы встать. Указательные пальцы мерно отбивали дробь по отполированной поверхности.

— Хорошо, — произнес премьер спустя некоторое время своим четким, назидательным, как у старой девы, голосом. — Давайте встретимся снова после возвращения Хораса. Послушаем, что он нам еще скажет.

Министры собрали бумаги — применительно к Галифаксу, чья сухая левая рука бесполезно свисала, больше подошло бы слово «сгрести» — и молча встали. То были мужчины в возрасте от пятидесяти до шестидесяти, Большая тройка на пике своего могущества, производившая впечатление скорее сановитостью, нежели физическими параметрами. Легат отступил на шаг, пропуская их. «Они шли, как трое могильщиков, идущих забирать гроб» — так он описал их впоследствии Сайерсу. До него донеслись приветствия, которыми министры обменялись с ожидающими снаружи военными, — приглушенные, угрюмые голоса.

— Прикажете пригласить начальников штабов сейчас, премьер-министр? — тихо спросил Легат.

Не оборачиваясь, Чемберлен смотрел на противоположную стену. Его птичий профиль приобрел вид жесткий, упрямый, даже воинственный.

— Да, конечно, — рассеянно сказал премьер. — Пусть войдут.

Легат расположился за дальним концом стола заседаний, близ поддерживающих потолок дорических колонн. Книжные шкафы выставляли напоказ корешки переплетенных в кожу статутов и серебристо-синие тома «Хансарда»¹. Главы штабов сложили фуражки на столик у двери и заняли освобожденные министрами кресла. Горт, как старший по должности, расположился в центре. Открыв папки и разложив бумаги, все трое закурили сигареты.

Поверх головы премьера Легат бросил взгляд на стоящие на каминной полке часы, окунул перо в чернильницу и вывел на листе писчей бумаги: «ПМ и ГШ. 14:05».

Чемберлен прочистил горло.

— Итак, джентльмены, боюсь, ситуация ухудшилась. Мы надеялись — и чешское правительство согласилось на это, — что передача Судетской области Германии будет осуществлена цивилизованно, посредством плебисцита. К несчастью, накануне вечером герр Гитлер объявил, что не готов ждать даже неделю и в субботу начинает вторжение. Сэр Хорас Уилсон встретился с ним сегодня утром без свидетелей и очень твердо предупредил, что если Франция сохранит верность союзным обязательствам перед Чехословакией — а у нас есть все основания

¹ «Хансард» — официальное издание стенографических отчетов о заседаниях английского парламента. (Здесь и далее примечания переводчика.)

так полагать, — то и нам не останется иного выбора, кроме как поддержать Францию.

Премьер-министр надел очки и взял телеграмму.

— После привычных разглагольствований и брызганья слюной герр Гитлер, согласно сообщению нашего посла в Берлине, ответил буквально следующее: «Если Франция и Англия нанесут удар, то пускай. Мне это совершенно безразлично. Я готов к любым поворотам. Внесу лишь ясность: сегодня вторник, а к следующему понедельнику мы окажемся в состоянии войны».

Чемберлен отложил телеграмму и сделал глоток воды.

Перо Легата чиркало по плотной бумаге: «ПМ — последние новости из Берлина — разрыв переговоров — бурная реакция герра Гитлера — на следующей неделе мы окажемся в состоянии войны...»

— Разумеется, я продолжу усилия по поиску мирного решения — если таковое существует, — продолжил премьер. — Хотя в данный момент не вижу, что можно сделать. А тем временем, боюсь, нам стоит приготовиться к худшему.

Горт оглядел своих коллег:

— Премьер-министр, мы набросали меморандум. В нем обрисован наш совместный взгляд на военную ситуацию. Позвольте мне зачитать вывод?

Чемберлен кивнул.

— «По нашему мнению, — начал Горт, — никакое давление со стороны Великобритании и Франции посредством морских сил, сухопутных или воздушных не сможет помешать Германии захватить Богемию и нанести решительное поражение Чехословакии. Восстановление территориальной целостности Чехословакии станет возможным лишь в результате продолжительной борьбы, которая с самого своего начала должна будет принять характер неограниченной войны».

Все молчали. Легат отчетливо слышал скрип своего пера, который вдруг показался неестественно громким.

— Это кошмар, которого я всегда опасался, — промолвил наконец Чемберлен. — Ощущение такое, что прошлая война ничему нас не научила и мы заново переживаем август четырнадцатого года. Одна за одной страны мира будут втягиваться в конфликт. И ради чего? Мы уже говорили чехам, что если победим, то их нация в нынешнем ее состоянии существовать не будет. Три с половиной миллиона судетских немцев должны получить право на самоопределение. А посему отделение Судетенланда от Германии не сможет стать целью союзников в войне. Так за что будем мы сражаться?

— За торжество закона? — предположил Горт.

— За торжество закона. Это точно. И если дойдет до края, мы будем драться. Но ей-богу, мне так хочется найти какой-то иной способ уладить эту проблему!

Премьер-министр резко провел рукой по лбу. Старомодный стрелчатый воротник подчеркивал жилистую шею. Лицо Чемберлена было серым от усталости. Усилиями воли он принял обычный деловитый тон:

— Какие практические меры необходимо предпринять?

— Согласно уже достигнутой договоренности нам следует немедленно переправить во Францию две дивизии, чтобы продемонстрировать нашу поддержку, — ответил Горт. — На позиции они выйдут спустя три недели, а еще через восемнадцать дней будут готовы вступить в бой. Однако генерал Гамелен недвусмысленно заявил, что до следующего лета в намерения Франции не может входить ничего более серьезного, кроме как символические удары по Германии. Откровенно говоря, я сомневаюсь, что французы пойдут даже на это. Они останутся за линией Мажино.

Харрис Р.

Х 21 Мюнхен : роман / Роберт Харрис ; пер. с англ. А. Яковлева. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 384 с. — (Звезды мирового детектива).

ISBN 978-5-389-14218-3

1938 год. Германия не готова к войне, но Гитлер намерен захватить Чехословакию. Великобритания не готова к войне, но обязана выступить вместе с Францией в защиту чехов. Премьер-министр Чемберлен добивается от Гитлера согласия на встречу, надеясь достичь компромисса.

Хью Легат — восходящая звезда британской дипломатии, личный секретарь Чемберлена. Пауль фон Хартманн — сотрудник германского МИДа и участник антигитлеровского заговора. Эти люди дружили, когда в 1920-х учились в Оксфорде, но с тех пор не имели контактов. И вот теперь им предстоит встреча в Мюнхене. Один отправляется туда, чтобы любой ценой предотвратить новую мировую войну, другой — чтобы развязать ее немедленно.

Впервые на русском!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

РОБЕРТ ХАРРИС
МЮНХЕН

Ответственный редактор Геннадий Корчагин
Редактор Елизавета Дворецкая
Художественный редактор Владимир Гусаков
Технический редактор Татьяна Раткевич
Корректоры Мария Левина, Валентина Гончар
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 23.04.2019. Формат издания 60 × 90^{1/16}.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 24. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» –
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60

E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

H-RB0-22438-01-R